

УДК 81.367.7
ББК 81.2

А.С. Бадаева

**ВОПРОС
ПРЕДИКАТИВНОСТИ
НЕОСНОВНОЙ КЛАУЗЫ
В КОНДИЦИОНАЛЬНЫХ
КОНСТРУКЦИЯХ
В РАМКАХ ПРОБЛЕМЫ
ГИПОТАКСИСА
ЧЕЧЕНСКОГО ЯЗЫКА**

Во многих языках функционируют так называемые условные формы глагола, маркирующие действие, которым обусловлено другое действие, выраженное основным предикатом предложения. Исследователями излагаются противоречивые точки зрения по вопросу семантико-грамматических особенностей таких форм в кавказских языках. В статье сделана попытка определить место рассматриваемых форм в системе чеченского глагола, а также их отношение к таким понятиям, как наклонение и предикативность.

Ключевые слова: гипотаксис, наклонение, условные формы, предикативность, неосновная клауза, конверб.

DOI 10.23683/1995-0640-2017-3-84-95

Бадаева Айшат Салаудиновна – научный сотрудник отдела прикладной семиотики Академии наук Чеченской Республики
Тел.: 8-928-017-51-03
E-mail: b_ayshat_s@rambler.ru

Одной из проблем изучения гипотаксиса в вайнахском языкознании, порожденной, в том числе, и попытками исследования чеченского предложения исключительно через призму русского синтаксиса, является отсутствие четкого разграничения синтаксических функций финитных и нефинитных форм глагола. Так, в частности, не вполне детально рассмотрен вопрос так называемых зависимых предикатов и средств связи между частями предложения, отсутствующих, как правило, во многих индоевропейских языках, в частности – в русском языке. В русском языке, как известно, понятие «зависимой предикации» не имеет синтетического выражения. Кроме того, в русском языке субъект конверба всегда совпадает с субъектом основного сказуемого, как логически, так и формально. В чеченском же языке, как, впрочем, и в других кавказских языках, исключительно развитая система глагольных форм, охватывающая широкий спектр грамматико-семантических значений, а также разнообразные синтаксические отношения. Этим, в частности, обусловлена выраженность в вайнахских языках большинства пропозиций посредством клаузы. Понимая под клаузой «любую группу, в том числе и не предикативную, вершиной которой является глагол, а при отсутствии полнозначного глагола – связка или грамматический элемент, играющий роль связки» [Тестелец, 2002, с. 256], мы можем сказать, что в вайнахских языках присутствует множество типов клауз, абсолютно раз-

личных по своему построению и особенностям синтаксических отношений – как внутренних, так и внешних.

Природа связи и особенности синтаксических отношений клауз, входящих в состав единой гипотактической структуры, является одним из вопросов, на который необходимо ответить для того, чтобы в дальнейшем более или менее однозначно решить проблему сложноподчиненного предложения в вайнахских языках. В настоящей работе мы стараемся рассмотреть с этой точки зрения поликлаузальные конструкции со значением реального и нереального условия.

Вообще условные предложения присутствуют, как правило, во всех языках. Типичным является поликлаузальное построение таких предложений. Хотя средства связи между клаузами, а также средства выражения условного значения уже внутри них достаточно разнообразны для различных языков. Общим для многих языков является также дифференцированность условных значений по признаку реальности / нереальности и материально выраженное оформление этих значений. Так, в русском языке присутствует сослагательное наклонение, выражающее действие, определено не имевшее место в действительности и, как правило, не предполагающееся в качестве реального действия. Также в русском языке используются условные предложения, сложноподчиненные по своей структуре и имеющие в качестве связки между предикативными единицами союз «если», для выражения условных действий, которые, возможно, имели или имеют место в реальности, однако у говорящего нет сведений об их реализации, или предполагаются как вполне реальные в будущем. В английском также условное наклонение подразделяется на реальное и нереальное (*real and unreal conditional clause*), что характерно в принципе и для многих других языков.

Таким образом, для предложений, в которых выражена обусловленность основного действия, в различных языках можно выделить несколько общих характеристик: поликлаузальность предложения, неравноправность этих клауз, выраженность семантики реальности или нереальности условных (являющихся условием) действий.

Все эти признаки характерны, в том числе, и для условных предложений чеченского языка, однако они имеют и свои особенности, как в плане семантики, так и в плане материального выражения. Так, одной из отличительных черт чеченского условного предложения можно считать многообразие средств выражения значения условия, а также средств связи между клаузами в рассматриваемых типах предложений.

Как уже говорилось выше, условные предложения имеют поликлаузальное построение, при этом одна из клауз выступает в качестве основной, главной, остальные же находятся с ней в подчинительной связи. Действие, выраженное основным предикатом таких предложений, выражено либо формой будущего фактического времени, либо сослагательным наклонением (в настоящей работе мы под сослагательным наклонением в чеченском языке подразумеваем аналитическую форму глагола, в которой смысловая часть оформлена так же, как и в

форме будущего фактического, в качестве вспомогательного же глагола выступает классный глагол «**ду**» в форме так называемого прошедшего очевидного – «**дара**»: **дийр дара**). Выбор той или иной формы зависит от семантики высказывания (реальное или нереальное условие). Наибольшим разнообразием в плане выражения отличается неосновное сказуемое. Так, в этом качестве в чеченском языке могут встречаться некоторые финитные формы, которые, помимо этого, выступают и в качестве предикатов простых предложений или главной части в составе сложного предложения (вопросительная форма изъявительного наклонения, утвердительная форма изъявительного наклонения с частицей **-кх**), а также конвербы, образуемые путем прибавления аффиксов **-хь**, **-хъара**, **-ча**.

(1) **Амма хьо юхахъожий**, шийла тІулг хир бу хьовх. (Н. Ф.)

«Но если ты **обернешься**, превратишься в холодный камень».

(2) **Хьо цхъа де а тІаьхъавуьсу-кх**, и шийла мохъ бахъаш схъакхочур ю-кх хьуна. (Б.М.)

«Но **опоздай** ты хоть на один день, **прибудет тут же с криком**».

(3) **Жимма ког галбалахъ**, хахкавелла бердах гІур ву. (А.М.)

«Если чуть-чуть **оступишься**, свалишься в пропасть».

(4) **Ахъа а изза динехъара**, бакъахъа хир ма дара. (А.М.)

«Было бы хорошо, **если бы сделал то же самое**».

(5) **Блаьргаш хиларх ца тоьу**, блаьрса **ца хилча**... (Ахм. А.)

«Недостаточно глаз, **если нет зрения**».

Однако, как отмечает в своей работе А.Х.Ашрапова, в различных языках «выделяется ядерная и периферийная зона ФСП (функционально-семантического поля) исследуемой семантики. Ядерную (центральную) часть структуры поля занимают средства наиболее полно, четко, ярко и регулярно отражающие её семантическую специфику, к периферии относятся языковые единицы, значение которых осложнено дополнительными оттенками, а также конструкции, которые выражают семантику менее отчетливо. Существенным критерием отнесения того или иного средства к центру или периферии поля является его удельный вес в общей совокупности кондициональных конструкций» [Ашрапова, 2006, с. 8]. Для чеченского языка ядром поля кондициональной семантики можно считать конструкции, в которых предикатом зависимых клауз выступают формы, образуемые при помощи формантов **-хь** и **-хъара**, так как они являются наиболее распространенными и характерными в чеченском языке средствами выражения предикации неосновной клаузы в кондициональных сложных конструкциях. В отличие от всех остальных указанных форм, условное значение является для этих форм основной, специфичной функцией, и в другом качестве они, как правило, не выступают вовсе (об омонимичных формах на **-хъара** будет сказано ниже).

Форма на **-хъара**, как уже было сказано, является одной из специфичных форм, выступающих в качестве основы клаузы, содержащей информацию о некоем условии, необходимом для реализации действия,

обозначенного основным сказуемым в условном предложении. Однако в различных работах указано и иное значение этой формы. Вообще рассматриваемая форма в работах различных авторов имеет весьма разностороннюю характеристику, что обусловлено не только многозначностью этой формы, но также и неопределенностью в вопросах некоторых грамматических категорий и разрядов для чеченского языка. Так, данная форма многими исследователями рассматривается в качестве наклонения – желательного [Арсаханов, 1965; Эсхаджиев, 1970; Тимаев, 2007], условного наряду с формой на **-хь** [Халидов, 2006], сослагательного [Дешериев, 1963; Долакова, 1961], нереально-условного [Дешериева, 1999], реально-желательного [Мациев, 1961], условно-желательного [Джамалханов, Гиреев, 1985], в других же работах она определена как одна из так называемых обстоятельственных форм (Я.У. Эсхаджиев – когда речь идет непосредственно о формах с условным значением; Н.Ф.Яковлев) [Эсхаджиев, 1970; Яковлев, 1960].

Отдельного внимания требует вопрос многозначности рассматриваемой формы. Она обозначена как одна из форм чеченского императива, в некоторых исследованиях также рассматривается в качестве оптатива. Действительно, в речи эта форма может выражать различные грамматические значения:

(6) *Тховса кхузахь кхаьрга шайна хууш долу хелхарш дайтахьара ахь.* (А. М.) («Сегодня **позволь** им танцевать так, как они умеют») – просительная форма повелительного наклонения;

(7) *Шина-кхаа дийнахь болх буста хьожушверг ма вагахьара, аьлла, хетара...* (Б. М.) («Казалось, **хоть бы не приходил** два-три дня проверяющий работу») – пожелание;

(8) *Ахь соьга ладобьГнехьара-м, ахь и ахча цуьнга лур а дацара...* (А. М.) («**Если бы** ты меня **послушался**, ты бы и не дал ему этих денег») – условие

Однако, на наш взгляд, здесь можно говорить не о многозначной форме, а о различных омонимичных формах, имеющих одинаковое оформление, но различные грамматические значения и синтаксические особенности. Подобная омонимия грамматических форм явление, как известно, нередкое, в чеченском языке в том числе. Так, мы имеем омонимичные ряды форм, различные по грамматическому значению: совершенная форма деепричастия, совершенная форма причастия и перфектная форма глагола (*дина*); несовершенная форма причастия и форма настоящего времени (*до*); вопросительная форма глагола в изъявительном наклонении настоящем времени и одна из деепричастных форм на **-й** (*дой*); форма оптатива на **-йла** и именная форма, образуемая тем же путем (*дойла*).

У форм на **-хьара** можно назвать определенные черты, позволяющие распределить их в различные категории слов. Так, форма, выражающая оптативное значение, выступает в качестве самостоятельного предиката простого предложения или главного предложения в составе сложного; может иметь некоторые оттенки времени, как правило, в раз-

личных аналитических конструкциях. Форма императива также выступает в качестве предиката простого предложения, однако не имеет никакого временного значения. Условная форма функционирует только в придаточной части сложноподчиненного предложения, а также имеет категорию абсолютного времени, т. е., имеет парадигму, граммы которой имеют различные временные значения. Более подробная характеристика особенностей этих форм может служить темой отдельной работы, в настоящей же статье нас интересуют особенности формы именно в кондициональном значении.

Грамматические характеристики этой формы неоднозначны в трудах различных авторов. Рассматривая данную форму с позиции ее морфолого-синтаксических особенностей, ее поведения в составе высказывания, невозможно не затронуть вопрос сослагательного наклонения в чеченском языке. В качестве чеченского конъюнктива разными авторами в основном приводятся две различные формы – *дийр дара, дахъара*. Как уже было сказано, в настоящей статье мы в этом качестве понимаем первую из указанных форм (*дийр дара*). Одним из основных значений конъюнктива является условное, в работах различных авторов он приводится под терминами то «сослагательное наклонение», то «уловное наклонение», и многими эти термины понимаются как синонимы. Условное же предложение, как мы уже говорили, по структуре своей поликлаузально, т.е. полное предложение с условной модальностью, как правило, состоит из двух частей, первая из которых содержит в себе некий посыл, условие (или условия), вторая – обусловленное действие, для которого необходимо условие, обозначенное в первой части. Таким образом, когда мы говорим о сослагательном или условном наклонении, невозможно рассматривать его только с морфологической точки зрения, так как данное наклонение получает полное свое оформление только в синтаксической конструкции. Не случайно в вайнахском языкознании наблюдается столь неоднозначное употребление терминов, обозначающих рассматриваемые понятия. Чеченский синтаксис зачастую рассматривают исключительно через призму русского языка. В русском же языке условных форм, выраженных синтетически, нет. Для отображения сослагательного значения и в основной, и в придаточной частях предложения используется частица *бы*. Исследователи чеченской грамматики, по-видимому, сравнивая структуру чеченского предложения с аналогичным явлением в русском, берут за условное наклонение, то форму основного предиката (*дийр дара*), то форму предиката придаточной части (*дахъара*). Обе эти формы, на наш взгляд, являются выражением единой модальности в рамках одного сослагательного предложения. Противопоставить ее можно реально-условной модальности, которая также оформляется только морфолого-синтаксическим путем. В этом случае в качестве основного предиката мы наблюдаем форму будущего времени (*дийр ду, дер*), в роли второстепенного предиката – реально-условную форму (*дахъ*).

Таким образом, основной функцией формы на **-хъара** в предложениях с сослагательным значением является маркировка действия, которым обусловлено основное действие.

Данная форма не единственная, которая выполняет функцию неосновного сказуемого в сослагательных предложениях. Так, в той же роли мы можем наблюдать иногда форму, образуемую при помощи суффикса **-ча**: (9) *И схъакхъачча, вай дIа-м гIур дара (Если б он прибыл, мы бы уехали (уже, скорее))*. Однако эти две формы нельзя назвать абсолютно идентичными по своим грамматико-семантическим значениям. Так, во-первых, если предыдущая форма обозначает действие, которое не имело места в действительности и предполагается или констатируется как нереальное (как в примерах (4) или (8)), форма на **-ча** маркирует ситуацию, которая может и часто даже скорее всего должна реализоваться и сделать возможной следующую ситуацию (как в (9)). Также эта форма имеет отличия грамматического плана, одним из основных среди которых является отсутствие категории грамматического времени, хотя нельзя сказать, что в предложениях, где в качестве неосновного предиката присутствует данная форма, вовсе отсутствуют таксисные отношения.

Еще одной формой, основной функцией которой является обозначение условного действия или события, является форма на **-хъь**. В работах различных авторов она рассмотрена то в качестве наклонения [Арсаханов, 1965; Халидов, 2006; Дешериев, 1963; Долакова, 1961; Дешериева, 1999], то в качестве особой обстоятельственной формы [Эсхаджиев, 1970; Тимаев, 2007; Яковлев, 1960; и др.]. Эта форма, как и предыдущая, образуется путем прибавления аффикса к основе инфинитива. Она также выступает в качестве неосновного предиката кондиционального предложения и не используется как предикат полного простого предложения или главной клаузы в составе сложного предложения. Ее основное отличие от формы на **-хъара** заключается в том, что данная форма служит для обозначения реального условия, т.е. такого действия, которое возможно произошло, происходит или произойдет в будущем и в результате которого будет реализовано другое действие или событие.

Реальное условие в чеченском языке передается также иногда формами, выступающими и в качестве предиката простого предложения. Так, иногда в этом качестве мы наблюдаем вопросительные формы изъявительного наклонения, а также обычные утвердительные формы той же категории с частицей **-кх**. Форма на **-ча** также иногда выступает в этом же значении, однако неосновная клауза, построенная вокруг этой формы, имеет больше значение времени, чем условия, или условия, связанного непосредственно с временем. Однако перечисленные формы не имеют категории абсолютного времени, соотносясь по временным отношениям только с главным предикатом в предложении, и не имеют также в составе таких предложений аспектуально-темпоральных вариативных форм.

Таким образом, специальные условные формы в чеченском языке имеют особые, характерные только для них среди многочисленных конвербов, характеристики. Одной из них и, пожалуй, наиболее важных является наличие у них категории абсолютного времени, тогда как для конвербов вообще характерно в основном относительное время, если оно присутствует вообще. Временные формы рассматриваемых конвербов не так разнообразны, как формы изъявительного наклонения, однако они отображают действие во всех трех временных плоскостях, а также при помощи различных вспомогательных средств, используемых таким же образом и в системе изъявительного наклонения, способны обозначить действие в процессе или в качестве завершенного факта. При этом во всех случаях аспектуально-темпоральные отношения этих форм связаны непосредственно с моментом речи, а не моментом, обозначенным основным предикатом.

Еще одним особым отличием данных форм, выделяющих их среди всех иных конвербов, является преимущественное наличие своего субъекта, отличного от субъекта основного сказуемого. В чеченском языке конвербы, как правило, либо являются односубъектными, либо могут иметь как общий с основным предикатом, так и отличный субъект. Условные же формы в большинстве случаев предполагают наличие своего субъекта, не связанного с главным предикатом предложения. В то же время условные формы никогда не выступают в качестве конечного предиката в предложении, что в принципе характерно и для других конвербов.

Итак, рассмотрев основные морфологические и синтаксические особенности данных форм, мы можем перейти к основному вопросу: являются ли клаузы, образуемые ими, придаточными предложениями или же это обычные обстоятельственные обороты. В работах предыдущих исследователей мы можем видеть различные точки зрения на этот счет. Так, в работах более ранних исследователей данный тип предложений отнесен к сложноподчиненным [Дешериев, 1963; Яковлев, 1960; и др.]. Я.У. Эсхаджиев относит их к простым предложениям, осложненным обстоятельственным оборотом условия, в последующих работах в основном придерживаются этой точки зрения. В работе Х.Р.Хайровой условные предложения не приводятся в перечне придаточных предложений ингушского языка, однако упоминается «особая форма глагола», которая «иногда в сочетании с условным союзом *нагахь санна*» является «средством связи в сложноподчиненных предложениях с придаточными условия» [Хайрова, 2006, с. 12].

Для того чтобы ответить на этот вопрос, возможно, следует углубиться в проблему грамматической семантики и функций рассматриваемых форм. Так, мы уже выяснили некоторые особенности синтаксических отношений этих форм внутри образуемой ими клаузы. Однако для нас важно, чем являются эти формы сами по себе и каково соотношение их клаузы с основной. Как мы уже говорили, рассматривая этот вопрос, многие языковеды упираются в вопрос наклонений, по-разному интерпретируя эти формы по отношению к данной категории. На наш взгляд, считать их формами наклонений нецелесообразно, ввиду того

что особое значение этих форм нельзя считать модальным. Кроме того, вряд ли вопрос наклонений единственный или основной в решении рассматриваемой проблемы.

Каждая форма, как известно, к какой бы категории она не относилась, имеет свою грамматико-семантическую нагрузку и появляется в языке с определенной целью. Условные формы в чеченском языке существуют только как предикаты неосновных клауз в сложных конструкциях с подчинительной связью. Внутри образуемой ими клаузы рассматриваемые формы имеют полноценные синтаксические отношения с другими членами предикативной единицы, характерные для финитных форм глагола. Так, они всегда имеют или подразумевают свой субъект (если это позволяет лексическое значение глагола) и согласуются с ним так же, как и основные предикаты в предложении. Особой функцией условной формы, как мы можем видеть, является осуществление семантической связи между клаузами в составе единого предложения. Каких-либо иных функций или значений – семантических, грамматических, модальных – у исследуемых форм мы не наблюдаем. То есть особые форманты, при помощи которых образуются условные формы – **-хь** и **-хьара** – являются лишь средством связи между частями предложения с условным значением, эквивалентным по своему грамматическому значению союзам. Некоторыми исследователями в качестве одного из критериев определения конструкции как сложноподчиненного предложения принимается наличие союзов, однако для языка, в котором основные средства связи, как между отдельными словами, так и между частями предложения, выражены морфологически, такой подход вряд ли является наиболее оптимальным.

Еще один критерий, который часто встречается в работах вайнахских грамматистов, – способность глагольной формы, вокруг которой построена неосновная клауза, выступать в качестве предиката простого предложения. Однако если все-таки понимать придаточное предложение как «предложение, в котором обозначено, что данное предложение образуется не само по себе, но для другого предложения» [Фортунов, 1956, с. 188], такой принцип не совсем приемлем. Ведь ввиду малочисленности союзов и союзных слов в вайнахских языках именно особая форма предиката, выступая средством связи между клаузами, является одновременно и показателем несамостоятельности клаузы, в составе которой она состоит, демонстрируя ее обязательную связь с другой клаузой.

Таким образом, рассмотрев условные формы чеченского языка и типы предложений, в которых они участвуют, мы можем сделать следующие выводы:

- 1) развитые таксисные и субъектно-объектные отношения внутри клаузы предикативной условными формами, а также характер взаимоотношений этой клаузы с основной в составе поликлаузальной конструкцией дают, на наш взгляд, основание относить эти конструкции к сложному предложению;

- 2) рассматривать условные формы в качестве наклонений, на наш взгляд, нецелесообразно ввиду того, что особой функцией этих форм яв-

ляется осуществление грамматической связи между клаузами в составе поликлаузальной гипотактической конструкции со значением реального или нереального условия. То есть по своим семантико-грамматическим признакам рассматриваемые формы можно отнести скорее к конвербам, а не к формам наклонения.

Литература

Арсаханов И.Г. Хинцалера нохчийн мотт. Лексикологи, фонетика, морфологи. Нохч-Палгайн хьехархойн институтан студенташна дешаран пособи. Грозный: Чечено-ингушское кн. изд-во, 1965. 214 а. (Современный чеченский язык. Лексикология, фонетика, морфология: учеб. пособие для студентов Чечено-Ингушского гос. пединститута. Грозный, 1965. 214 с.)

Аиратова А.Х. Функционально-семантическое поле кондициональности в разноструктурных языках: автореф. дис.... канд. филол. наук. Казань, 2006. 38 с.

Гиреев В.Ю., Арсемикова Б.С. Категория наклонения чеченского глагола. // Проблемы глагола вайнахских языков. Грозный: Чечено-Ингушский ордена «Знак почета» институт филологии, социологии и истории при Совете министров ЧИАССР, 1988. С. 31–53.

Дешериев Ю.Д. Сравнительно-историческая грамматика нахских языков и проблемы происхождения и исторического развития горских кавказских народов. Грозный: Чечено-ингушское кн. изд-во, 1963. 555 с.

Дешериева Т.И. Нахские языки // Языки мира: Кавказские языки. М.: Academia, 1999. С. 166–173.

Джамалханов З.Д. Мачигов. М.Ю. Нохчийн мотт. II дакъа. Педучилищан студенташна. Грозный: Чечено-ингушское кн. изд-во, 1985. 127 а. (*Джамалханов З.Д. Мачигов. М.Ю.* Чеченский язык. Ч. II. Для студентов педучилища. Грозный, 1985. 127 с.)

Долакова Р.И. Система прошедших времен в чеченском и ингушском языках. // Изв. ЧИНИИИЯЛ. Т. II, вып. 2. Языкознание. Грозный, 1961. С. 3–69.

Мациев А.Г. Чеченско-русский словарь. М.: Гос. изд-во иностранных и национальных словарей, 1961. 622 с.

Тестелец Я.Г. Введение в общий синтаксис. М.: Изд-во РГГУ, 2001. 798 с.

Тимаев В.Д. Хинцалера нохчийн мотт. Лексикологи. Фонетика. Морфологи. 2-га издани. Грозный: ГУП ИПК «Грозненский рабочий», 2007. 416 а. (*Тимаев В.Д.* Современный чеченский язык. Лексикология. Фонетика. Морфология: 2-е изд. Грозный, 2007. 416 с.)

Фортулатов Ф.Ф. Словосочетания и их части // *Фортулатов Ф.Ф.* Избранные труды. М.: Госучпедгиз, 1956. С. 182 – 191.

Хайрова Х.Р. Проблема сложноподчиненного предложения в ингушском языке: автореферат дис.... канд. филол. наук. М., 2006. 37 с.

Халидов А.И. Нохчийн меттагилманан терминийн лугат. Грозный: ГУП ИПК «Грозненский рабочий», 2012. 448 а. (*Халидов А.И.* Словарь лингвистических терминов чеченского языка. Грозный, 2012. 448 с.)

Эсхаджиев Я.У. Способы выражения сложноподчиненного предложения в чеченском литературном языке. // Изв. ЧИНИИИЯЛ. Т. IX, вып. 2. Языкознание. Грозный: Чечено-Ингушское кн. изд-во, 1970. С. 101 – 154.

Яковлев Н.Ф. Морфология чеченского языка // Тр. ЧИНИИИЯЛ. Грозный: Чечено-Ингушское кн. изд-во, 1960. 237 с.

References

Arsakhanov I.G. *Hincalera nohchijn mott. Leksikologi, fonetika, morfologi. Nohch-Galgajn h'ekharhojn institutan studentashna desharan posobi*, Groznyj: Checheno-Ingushskoye knizhnoye izdatel'stvo, 1965, 214 p. (In Chechen).

Ashrapova A.H. *Funkcionalno-semanticheskoye pole kondicional'nosti v raznostrukturnykh yazykakh: avtoref. diss. kand. filol. nauk.* Kazan', 2006. 38 p. (In Russian).

Gireev V.Y., Arsemikova B.S. *Kategoriya nakloneniya chechenskogo glagola, Problemy glagola vaynahskikh yazykov*, Groznyj: Checheno-Ingushskiy ordena «Znak pocheta» institut filologii, sotsiologii i istorii pri Sovete ministrov CHIASSR, 1988, pp. 31-53. (In Russian).

Desheriev Y.D. *Sravnitel'no-istoricheskaya grammatika nakhskikh yazykov i problemy proiskhozhdeniya i istoricheskogo razvitiya gorskikh kavkazskikh narodov*, Groznyj: Checheno-Ingushskoye knizhnoye izdatel'stvo, 1963, 555 p. (In Russian).

Desherieva T.I. *Nahskie yazyki, Yazyki mira: Kavkazskiy yazyki*, M.: Academia, 1999, pp. 166-173. (In Russian).

Dzhamalkhanov Z.D. Machigov. M.Y. *Nohchijn mott. II daqa. Peduchilishchan studentashna*, Groznyj: Checheno-Ingushskoye knizhnoye izdatel'stvo, 1985, 127 p. (In Chechen)

Dolakova R.I. *Sistema proshedshikh vremen v chechenskom i ingushskom yazykakh, Izvestiya CHINIIYAL, Tom II, Vypusk 2, Yazykoznaniye*, Groznyj: Checheno-Ingushskoye knizhnoye izdatel'stvo, 1961, pp. 3-69. (In Russian).

Maciev A.G. *Chechensko-russkiy slovar'*, M.: Gosudarstvennoye izdatel'stvo inostrannykh i natsional'nykh slovarey, 1961, 622 p. (In Chechen and Russian).

Testelec Y.G. *Vvedeniye v obshchiy sintaksis*, M.: Izdatel'stvo RGGU, 2001, 798 p. (In Russian).

Timaev V.D. *Hincalera nohchijn mott. Leksikologi. Fonetika. Morfologi. 2-gIa izdani*, Groznyj: GUP IPK «Groznenkiy rabochiy», 2007, 416 p. (In Chechen).

Fortunatov F.F. *Slovosochetaniya i ikh chasti, Fortunatov F. F. Izbrannye trudy*. M.: Gosudarstvennoye uchebno-pedagogicheskoye izdatel'stvo, 1956, pp. 182-191. (In Russian).

Khayrova H.R. *Problema slozhnopodchinennogo predlozheniya v ingushskom yazyke: avtoref. diss. kand. filol. nauk.* M., 2006. 37 p. (In Russian).

Khalidov A.I. *Nohchijn mettalilmanan terminijn lugIat*, Groznyj: GUP IPK «Groznenkiy rabochiy», 2012, 448 p. (In Chechen).

Eskhadzhiev Y.U. *Sposoby vyrazheniya slozhnopodchinennogo predlozheniya v chechenskom literaturnom yazyke. Izvestiya CHINIIYAL. Tom IX. Vyp. 2. Yazykoznaniye*. Groznyj: Checheno-Ingushskoye knizhnoye izdatel'stvo, 1970, pp. 101-154. (In Russian).

Yakovlev N.F. *Morfologiya chechenskogo yazyka. Trudy CHINIIYAL*, Groznyj: Checheno-Ingushskoye knizhnoye izdatel'stvo, 1960, 237 p. (In Russian).

Ayshat S. Badaeva (Grozny, Chechen Republic, Russian Federation)

The Question of Predicativity of Non-Main Clauses in Conditional Constructions in the Framework of the Problem of Chechen Hypotaxis

The conditional forms of a verb marking action which caused other action expressed by the main predicate of the sentence are presented in many languages. Researchers state the contradictory points of view concerning

semantical-grammatical features of these forms in the Caucasian languages. In article we tried to define the place of the studied forms in the system of the Chechen verb and also their role in hypotaxical constructions.

Principal and auxiliary means of expression of conditional semantics in the Chechen language are distinguished in the article. Thus, the most characteristic and frequent in use are the forms formed by the affixes **-h** and **-hārā**. In addition to them the following markers of conditional meanings are presented in the Chechen: the interrogative form of the indicative mood, the present-tense form with the **-q** particle, and the converb formed by adding the **-čā** affix to one of the stem of the past.

Forms of verb ending with **-h** and **-hārā**, which are the main condition markers in polyclausal conditional sentences, are presented in different points in the works of scientists. Thus, some authors specify them as moods, others consider them as adverbial forms of a verb. Besides, there are contradictory views concerning the very type of sentences in which the forms function. Some linguists consider clauses formed around such forms as subordinate ones in a complex sentences, another point of view is advanced by the opponents of the theory of the developed hypotaxis in the Chechen language, distinguishing the subordinate conditional clauses as conditional non-finite construction.

The analyzed forms have some specific characteristics distinguishing them among the other converbs in Chechen language. Thus, they have category of absolute time and the own subject different from the subject of the main predicate. Forms of verb ending with **-h** and **-hārā** differ from each other mainly on the basis of reality or unreality of the marked condition. Forms of verb with a suffix **-h** function as a predicate of a subordinate clause in the conditional sentences where the main predicate is a verb in the form of a future tense or the imperative. Not the alternative reality, but real-conditional one is expressed in such sentences. Forms on **-hārā** function as a predicate of a subordinate clause as a part of the subjunctive sentence, marking alternative reality in all tense structure, often the time for the sentence is defined by a predicate of a subordinate clause.

Analysis of the grammatical and semantic features of the conditional forms in Chechen language allowed us to draw some conclusions on this question.

In our opinion, the developed taxis and subject-object relationships within the clause, predicated by conditional form, and also the nature of the relationship of this clause with the main clause in the structure of the polyclausal construction give us a reason to define these constructions as complex sentences.

We believe that it is unreasonable to define the conditional forms as forms of mood, by means of that the special meaning of these forms can't be considered as modal. A special function of the conditional form is the realization of the syntax connection between clauses as part of a complete conditional sentence. We haven't detected any other semantic, grammatical and modal functions or meanings at the forms. That is, the special formants

---

-h and **-hārā**, forming conditional forms, are only the means of connection for parts of the sentence and on the grammatical meaning they are equivalent to the conjunctions.

Key words: *hypotaxis, inclination, conditional forms, predicatively, non-essential clause, the converb.* .

Ayshat S. Badaeva – researcher. Academy of Sciences of the Chechen Republic, Department of Applied Semiotics. Chechen Republic, Grozny. Phone: 8-928-017-51-03, e-mail: b_ayshat_s@rambler.ru